

Когда сознание вернулось ко мне, мне рассказали, что одно мгновение я лежал без чувств, а потом я сразу же вскочил на ноги и стал искать свой меч. Я нашел его торчащим в зеленой груди Цада, который лежал мертвым на мху цвета охры, покрывающем высохшее морское дно. Когда я совсем пришел в себя, то увидел, что его меч пронзил левую часть моей груди, но задел только кожу и мышцы, покрывающие ребра, вошел в мою грудь и вышел пониже плеча. Когда я наносил свой удар, повернулся так, что его меч прошел через мускулы, причинив болезненную, но безопасную рану.

Я вытащил его меч из своего тела и точно так же достал свой меч, потом повернулся спиной к его уродливому телу, направился унылый, страдающий и мрачный к повозкам. Ропот одобрения тарианцев провожал меня, но я не обратил на него внимания.

Окровавленный и обессиленный, я добрался до женщин, которые, будучи привычны к такого рода происшествиям, перевязали мои раны и приложили к ним те изумительные целебные средства, благодаря которым на Таре гибнут только от самых ужасных смертельных ран. Дайте тарианке только малейшую надежду на спасение раненого, и смерти придется отступить перед ее искусством и опытностью. Они сразу же так залечили мои раны, что кроме слабости, происшедшей от потери крови, я не испытывал никакого беспокойства от страшного удара, который в условиях земного лечения наверняка заставил бы меня пролежать в постели много дней.

Как только они отпустили меня, я поспешил к повозке Деи Торис, где увидел мою бедную Солу с перевязанной грудью, но, по-видимому, не пострадавшую в стычке с Саркойей: кинжал ударился в одно из металлических украшений, которые она носила на груди, скользнул в сторону и только задел ее тело, нанеся ей пустячную царапину.

Когда я приблизился, нашел Дею Торис лежащей навзничь на шелках, и вся ее хрупкая фигурка содрогалась от рыданий.

Она не обратила внимание на мое присутствие и не слышала моего разговора с Солой, стоявшей совсем близко от повозки.

- Ее обидел кто-нибудь? - спросил я Солу, указав кивком на Дею Торис.

- Нет, - ответила она, - она думает, что вы погибли.

- И что некому чистить зубы у кошки ее бабушки? - спросил я, улыбаясь.

- Я думаю, что вы несправедливы к ней, - сказала Сола. - Я не понимаю ни вашего, ни ее поведения, но думаю, что внучка десяти тысяч джедаков никогда не стала бы оплакивать гибель существа, которое она считает ниже себя, или кого-нибудь, к кому она не относилась бы с величайшим уважением. Она принадлежит к гордой породе, и вы, наверное, сильно оскорбили или обидели ее, раз она не хочет обращать на вас внимания, когда вы живы, и так оплакивает вашу гибель.

- Слезы не так часто приходится видеть у мусрабцев, - продолжала она, - и поэтому мне так трудно объяснить, что они могут значить. За всю свою жизнь я видела только два плакавших существа, помимо Деи Торис: одно из них плакало от горя, другое - от не нашедшей выхода ярости. Первой была моя мать, много лет назад, перед тем, как они убили ее; второй была Саркойей, когда они сегодня оторвали ее от меня.

- Ваша мать! - воскликнул я. - Но, Сола, вы ведь не могли знать ее!

- Я знала ее. И знаю моего отца, - добавила она. - Если вы хотите услышать необычную и совсем не мусрабскую историю, приходите, сегодня вечером в нашу повозку, и я расскажу вам то, о чем за всю мою жизнь никому еще не говорила. А теперь уже подан знак выступить в поход. Вам надо идти.

- Я приду вечером, - пообещал я. - Передайте Дее Торис, что я здоров и невредим. Я не стану надоедать ей, и будь спокойна, я не подам вида, что видел ее слезы. Если она захочет меня видеть - я тут же явлюсь на ее зов.

Сола вошла в повозку, которая немедленно заняла свое место в ряду других, а я поспешил к ожидавшему меня тоту и тоже помчался вскачь на свое место подле Тарс Таркаса в арьергарде колонны.

Мы представляли собой чрезвычайно внушительное и способное нагнать страх зрелище, двигаясь, таким образом, по желтому пейзажу: двести пятьдесят разукрашенных и пестро размалеванных повозок, впереди которых ехало верхом двести воинов и вождей, по пять в ряд, на расстоянии тридцати метров, и сзади такое же количество воинов, в том же порядке. Фланги прикрывало с каждой стороны тоже не менее двадцати воинов; пятьдесят сверхмастодонтов, тяжелых упряжных животных, известных под именем зитидаров и пять или шесть сотен тоттов, которые свободно бежали внутри четырехугольника, образованного воинами. Сверкание металлических украшений и драгоценностей мужчин и женщин, пышная и блестящая сбруя животных, яркие краски великолепных мехов, шелков и перьев сообщали нашему каравану такой варварский блеск, что любому индусскому магарадже впору было позеленеть от зависти.

Огромные широчайшие колеса повозок и тяжелые ступни животных, не производили ни малейшего шума на покрытом мхом дне моря; и мы продвигались вперед в полной тишине, подобные некоему видению, кроме тех мгновений, когда молчание нарушалось горловым ворчанием подгоняемого зитидара или криками дерущихся тоттов. Зеленые говорят очень мало, и то только односложно и тихо, и речь их подобна грохоту отдаленного грома.

Мы шли поросшей мхом пустыней, где не видно никаких следов оттого, что едва колесо или ступившая нога перемещалась дальше, опустившийся было под их давлением мох снова занимал прежнее положение. Мы могли быть духами умерших в этом мертвом море этой умирающей планеты, так мало было слышно и заметно, что мы идем. Впервые в жизни я видел большой отряд, проходящий таким образом, не поднимая пыли и не оставляя за собой никаких следов. Оттого, что кроме как на обитаемых и обработанных землях, на Таре очень мало пыли, она появляется только в зимние месяцы, эта пыль почти незаметна, благодаря отсутствию сильных ветров.

Вечером мы остановились у подножия холмов, к которым направлялись уже два дня и которые служили южной границей этого необычного моря. Наши животные целых два дня обходились без питья, а до того они не имели воды около двух месяцев, почти с того самого дня, когда они оставили Тарк, но, как мне объяснил Тарс Таркаса, они мало нуждаются в воде и могут питаться мхом, который покрывает Мусраб и содержит, по его словам, достаточно сока, чтобы удовлетворить нетребовательных животных.

Пожинав куском сыроподобной пищи и растительным молоком, я отправился к Соле и нашел ее работающей при свете факела над сбруей для Тарс Таркаса. Она взглянула на меня, когда я подошел к ней, и лицо ее сияло радостью и приветливостью.

- Я рада, что вы пришли, - сказала она. - Дея Торис спит, и я одна. Мое племя мало

беспокоится обо мне: я слишком не похожа на них всех. У меня невеселая судьба – прожить с ними всю жизнь, мне часто хотелось быть обыкновенной зеленой, не знающей ни любви, ни надежды, но я узнала любовь и должна погибнуть.

- Я обещала вам рассказать мою историю, вернее, рассказать историю моих родителей. Я знаю вас и жизнь вашего народа, и убеждена, что мой рассказ не покажется вам слишком странным, но, сколько может помнить самый старый из тарков, ничего похожего не случалось среди зеленых, и даже в наших легендах нет ничего подобного.

- Моя мать была очень невелика ростом. Она была так мала, что ей не сочли возможным поручить деторождение, наши вожди выбирают матерей главным образом за рост. Она была также менее холодна и жестока среди большинства тарианцев, и так как она находила мало удовольствия в их обществе, часто бродила одна по пустынным улицам Тарка или сидела среди цветов, покрывающих расположенные близ города холмы, мечтала и думала о разных вещах, которые, как мне кажется, из всех таркских женщин могу понять только я одна, оттого, что я дочь своей матери!

- И здесь, среди холмов, она повстречала молодого воина, чьей обязанностью было стеречь пасущихся зитидаров и тоттов, следить, чтобы они не убежали за линию холмов. Сначала они говорили только о таких вещах, которые занимают большинство тарков, но, мало-помалу, по мере того, как они чаще встречались, не случайно, как теперь уже стало ясно для обоих, они заговорили о самих себе, о своих желаниях, надеждах, мечтах. Она доверилась ему и рассказала о том ужасном отвращении, которое внушала ей жестокость ее народа, и самая мысль об отвратительной жизни без любви, без привязанности, сказав ему все это, она стала ждать, что с его холодных жестоких губ сорвутся слова презрения и злобы; но вместо этого он обнял и поцеловал ее.

Целых шесть лет они скрывали ото всех свою любовь. Она, моя мать, принадлежала к свите великого Тал Хаджуса, а ее возлюбленный был простым воином. Если бы стало известно, что они преступили законы и обычаи тарков, они погибли бы оба на большой арене перед лицом Тал Хаджуса и несметной толпы.

Яйцо, из которого я появилась на свет, было спрятано под большим стеклянным сосудом в самом высоком и недоступном из полуразрушенных замков древнего Тарка. Моя мать навещала его раз в год, в течение всех пяти лет, которые длится инкубационный период. Она не решалась приходить чаще, потому что боялась, что за каждым ее шагом следят. За это время мой отец успел сильно выдвинуться и получил оружие многих вождей. Его любовь к моей матери не стала меньше, и единственной целью его жизни было добыть оружие самого Тал Хаджуса, и таким образом, став владыкой всех тарков, получить право назвать ее своей; он хотел также, благодаря своей власти, иметь возможность покровительствовать своему ребенку, который был бы убит, если бы узнали правду.

- Добыть оружие Тал Хаджуса за пять коротких лет было безумной мечтой, но успехи его были очень велики, и он скоро занял видное место в совете тарков. Но однажды надежды его были разбиты навсегда, по крайней мере, в части, касавшейся спасения тех, кого он любил: его назначили в далекую экспедицию на покрытый льдами юг, чтобы вести войну против местных жителей и отобрать у них их меха, таков обычай зеленых: они никогда не делают того, что могут отобрать у других.

Его отправили на пять лет, и когда он вернулся, уже три года, как все было кончено. Около года спустя, после его отъезда и незадолго до возвращения экспедиции, отправившейся, чтобы привести детей из общественного инкубатора, яйцо вскрылось. Моя мать оставила меня в

старом замке, еженощно навещала и расточала мне все те ласки, которых должна была лишиться нас жизнь в обществе. Она надеялась, что когда будет возвращаться экспедиция из инкубатора, ей удастся спрятать меня в толпе детей, предназначенных ко двору Тал Хаджуса, и таким образом избежать судьбы, которая, без сомнения, должна была последовать за открытием ее преступления против древних обычаев зеленых людей.

Она наскоро обучила меня языку и обычаям сословия, и однажды ночью рассказала мне ту самую историю, которую я сейчас рассказала вам, и довела ее до этого места, стараясь внушить мне, необходимость хранить тайну и быть крайне осторожной, когда я окажусь вместе с другими юными тарками, чтобы никто не мог догадаться, что я знаю больше, нежели они, чтобы ни словом, ни движением не обнаружила своего чувства к ней или того, что знаю, кто мои родители; потом, крепко прижавшись, она прошептала мне имя моего отца.

Вдруг свет сверкнул, и в темноте комнаты перед нами предстала Саркойя, пристально уставившись своими злобными блестящими глазами на мою мать. Злоба и ненависть, исходившие от нее, заставили сжаться мое юное сердце. Очевидно, она слышала рассказ моей матери, и, судя по всему, она уже давно подозревала мою мать, вследствие ее долгих отлучек, что доказывало ее присутствие в этой комнате в ту ужасную ночь.

- Она не слышала только одного, и этого одного она не знала - имени моего отца. Это стало ясно из ее настойчивых требований, обращенных к моей матери, назвать имя того, с кем она согрешила, но никакие угрозы не могли вырвать его, и чтобы спасти меня от неизбежных пыток, она солгала, сказав Саркойе, что она одна знает имя и никогда не сказала бы его ребенку.

Еще раз, пригрозив ей, Саркойя поспешила к Тал Хаджусу, чтобы известить его о своем открытии, и едва она вышла, как моя мать завернула меня в шелка и меха своей ночной одежды, так, что меня с трудом можно было заметить, вышла из здания и побежала с безумной быстротой к южной окраине города, в ту сторону, где находился мужчина, к чьей помощи она не могла взывать, но чье лицо ей хотелось увидеть еще раз перед смертью.

- Когда мы приблизились к южной окраине города, мы услышали шум со стороны единственного прохода, который ведет через дальние холмы, и которым пользуются отряды, идущие с юга, с севера, с востока, с запада. Шум, который долетел до нас, были крики тоттов и рев зитидаров, к ним примешивались бряцание оружия, сопровождающее тело убитого воина. Первой мыслью моей матери было, что это отец возвращается из своей экспедиции, но она знала тарков, и это удержало ее от того, чтобы побежать очертя голову ему навстречу.

Спрятавшись в тени арки, она ждала, чтобы кавалькада поравнялась с ней. Когда передняя часть процессии проходила мимо нас, меньшая луна осветила своим волшебным светом всю картину. Моя мать ушла еще дальше в дружественную тень, и со своего наблюдательного поста увидела, что экспедиция эта была не той, с которой отправился мой отец, это везли из инкубатора юных тарков. В мгновение план ее был готов, а когда большая повозка поравнялась с нашим убежищем, она побежала рядом с ней, прячась в тени и страстно прижимая меня к своей груди.

- Она знала то, чего не знала я: что никогда уже ей не суждено больше ни обнять, ни увидеть меня. Когда на большой площади началась сутолока, она толкнула меня в толпу других детей, стражи были рады, что настало время, когда они могут снять с себя ответственность, лежавшую на них во время пути. Нас ввели в большую комнату, где женщины приняли нас, никогда до сих пор не видевшие и не сопровождавшие нас, а на следующий день нас распределили по свитам отдельных вождей.

- Я никогда уже больше не видела моей матери. Тал Хаджус заключил ее в темницу и самыми ужасными и позорными пытками пытался исторгнуть из ее уст имя моего отца, но она осталась тверда до самого конца и умерла под смех Тал Хаджуса и других вождей во время одной из пыток, которым ее подвергли. - Позднее я узнала, что она уверила их, будто убила меня, чтобы спасти от участи, подобной ее, а мое тело бросила белым обезьянам. Одна лишь Саркойя не поверила ей, и до сих пор я чувствую, что она подозревает истину моего происхождения, кроме того, также догадывается, я в этом убеждена, кто мой отец.

- Я присутствовала притом, как Тал Хаджус рассказывал ему после его возвращения историю моей матери, ее судьбу. Ни один мускул не дрогнул на его лице, и ничем не выдал он своего волнения, только не смеялся, когда Тал Хаджус весело описывал ее смертные муки. С этого мгновения он сделался жесточайшим из жестоких, и я жду того дня, когда он достигнет предела своих желаний и ударит ногой тело Тал Хаджуса, я убеждена, что он только ждет случая отомстить ему, в сердце его любовь так же сильна, как и сорок лет назад, и для меня это так же достоверно, как то, что мы сидим здесь, у края древнего, как мир, моря, в то время как люди давно уже спят...

- А ваш отец, он с нами и теперь? - спросил я.

- Да, - отвечала она, - но он не знает, кто я, и не знает также, кто предал мою мать Тал Хаджусу. Я одна знаю имя моего отца, и только я, Тал Хаджус и Саркойя знаем, что это Саркойя пересказала Тал Хаджусу ту историю, которая принесла муки и смерть той, кого он любил.

Мы, молча, сидели несколько мгновений, она погрузилась в мысли о своем ужасном прошлом, а я с сожаленьем думал о бедных созданиях, которых бессердечные, бесчувственные обычаи их народа обрекли на жизнь без любви, жизнь, полную жестокости и ненависти. Наконец, она заговорила:

- Алекс, если когда-либо настоящий мужчина ступал по холодной, мертвой почве Мусраба, этот мужчина - вы. Я знаю, что могу довериться вам, и так как это может когда-либо помочь вам, Дее Торис и мне в беде, я назову вам имя моего отца и не стану ставить вам никаких условий, когда вы сможете им воспользоваться. Когда придет час, скажите правду, если вам покажется, что так будет лучше. Я верю вам. Его имя - Тарс Таркас!

<http://tl.rulate.ru/book/23550/491150>